

И.В. КОНДАКОВ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК НАУКА

Возникшая на рубеже XX–XXI вв. в России проблема «культурологии как науки» является, разумеется, мнимой, и родилась она во вненаучном контексте. Прошли те времена, когда волей политиков или администраторов можно было авторитетно «закрывать» и «открывать» те или иные науки, научные направления, табуировать определенные области научного знания, а другие области знания объявлять «лженаукой» или «антинаучным» образованием. Однако традиции отечественной культуры, притом не только тоталитарной эпохи (сразу невольно вспоминаются судьбы генетики и кибернетики в СССР, хотя это были не единственные науки, подвергавшиеся репрессиям в сталинское время), но и XVIII, XIX и начала XX в., инициировавшие многие коллизии российской науки, оказываются весьма живучими – особенно в плане торможения научного поиска. И само существование в России (веками!) проблемы ограничения доступа к информации, ее публичного распространения (гласности и секретности), ее различной (неофициальной) интерпретации и оценки многое объясняет в переменном модусе *научности/вненаучности* интеллектуальных систем в истории русской и российской культуры.

Из глубины древнерусской средневековой истории идут и идеологизация любого знания (неважно – гуманитарного, социального, естественного или технического), и его сакрализация, мифологизация, и его общественный статус как официальной (государственной) доктрины или частного определения (индивидуального, творческого видения); при сопоставлении последних двух дискур-

сов более значимым по традиции считался первый (патриотический, коллективистский, державный); его общественный статус как «чистой науки» и как знания практического, утилитарного, прикладного (из этих двух представлений предпочтение обычно отдавалось второму как более понятному и доступному как властям, так и непросвещенным массам). Иными словами, с точки зрения истории отечественной культуры все перипетии феномена «научности» в России объяснимы и закономерны; это касается и XVIII, и XIX, и XX вв. Отсюда проистекают и привычная в России идеологизация и политизация науки, и ее прагматизация, и ее бюрократизация, и манипулирование наукой, ее проектами и достижениями в спекулятивном плане, и «остаточный принцип» отношения к науке и культуре в целом – явления, в таком масштабе немыслимые ни в Европе, ни в Америке, ни даже в развитых странах Азиатского региона. Иными словами, сам современный вненаучный контекст обсуждения научного статуса культурологии культурно-исторически закономерен и предопределен как историческим, так и современным контекстом отечественной культуры.

В стране, вся история которой проходила под знаком господства безграничного деспотизма восточного типа (самодержавия) и окружающей его своекорыстной бюрократии, при условии существования правовой культуры лишь в рудиментарных формах «обычного права», при засилье традиционной патриархальной морали и множества предрассудков мифологического и ортодоксально-религиозного сознания наука воспринималась с недоверием и опаской, по преимуществу же – как инструмент государственной политики – хозяйственно-экономической, технической, социальной, образовательной и т.п., т.е. как компонент определенной идеологии и социальной технологии, а не как направление свободного саморазвития творческой мысли, ценного даже в качестве интеллектуальной игры или мысленного эксперимента. Подобное восприятие науки в России характерно как для правящей элиты, традиционно рассчитывающей на культуру в целом (включая науку) как на «служанку политики», отрабатывающую вложенные в нее непроизводительные затраты государства, так и для непросвещенных масс, склонных усматривать в науке происки «образованного класса» или государственной власти как таковой, стремящихся с помо-

щью интеллектуальных ухищрений новейшего толка еще больше закабалить, обмануть или ограбить «простых, неученых людей».

Проблематичность культурологии как особой научной дисциплины в контексте истории российской культуры связана с несколькими ее особенностями, выделяющими ее среди других наук, причем не только среди естественно-технических, но и гуманитарных. Во-первых, это *объективная безграничность* и в известном смысле *неопределенность* предметной области культурологии, каковой является *вся культура*, включая ее саморефлексию (культурологическое знание). Речь здесь идет не только о том, что культурология рассматривает различные национальные культуры (в том числе живые и мертвые), их взаимоотношения между собой и мировую культуру в целом; не только о том, что культура условно дифференцируется на «духовную» и «материальную», «художественную» и, например, «политическую» (или «философскую», или «нравственную», или «научно-познавательную»); не только о том, что культуру можно осмыслять диахронически (т.е. в историческом плане) и синхронически (т.е. либо в контексте той или иной современности, либо – вечности). Все перечисленное – лишь первая степень многомерности культуры XX в., выражаемой культурологией как наукой.

В рамках единого предмета научной рефлексии культурологии оказываются мифология и повседневность, религия и наука, искусство и быт, философия и «здравый смысл», экономика и эзотерика, причем нередко не только взаимодействующие между собой в едином смысловом контексте, но и одновременно влияющие на одного и того же субъекта культуры. Этот *полиморфизм* культуры составляет вторую степень культурной многомерности, принципиальную для самосознания культурологии как науки и, по мере накопления синтетических, интегративных тенденций в культуре, его значение для осмысления культуры как целого и для становления культурологии последовательно возрастает. Так, сложившиеся в XIX в. позитивистские схемы дифференциации и классификации научных знаний и соответствующих наук к концу XX в. совсем не работают. На их месте возникают новые процессы и системы, адекватные самому полиморфизму культуры. Самосознание культуры отныне идет одновременно «по схемам многих знаний», что накладывает свой отпечаток и на культурологию как науку.

Культурология в конце XX в. объективно отражает и выражает усиливающийся синкретизм современной культуры во всем мире, проявляющийся, в частности, и в интеграции научных знаний вне привычных схем институализированной и организованной обществом научной междисциплинарности. Более того, к концу XX в. интеграция научных знаний о культуре и соответствующих наук о культуре складывается нередко по схемам вненаучным (или, если угодно, ионаучным) – обыденного знания, искусства, политики или морали. Наряду с методами и принципами различных гуманитарных наук в методологии культурологии аккумулируются модели и принципы, методы и стили, концепты и символы иных феноменов культуры, смежных с науками или даже далеких от науки и научности. Это уже третья степень культурной многомерности, лежащей в основании культурологии как науки.

К этому следует добавить (во-вторых) еще и *субъективную многозначность* различных компонентов предметного поля культурологии (для разных субъектов современной культуры эзотерическое знание, религия, наука, техника, искусство, политическая идеология, обыденное сознание представляют ценности разных рядов и различных иерархических уровней культурной семантики). Все это значительно осложняет *верификацию* культурологического знания, которое поневоле предстает мозаичным и многомерным, принципиально не унифицируемым в единую мировоззренческую и эпистемологическую систему. Кроме того, сказывается сама природа культурологической междисциплинарности: предметное поле культурологии сегодня может быть в равной степени, с равным правом и успехом «приватизировано» историей, философией, социологией, психологией, этнологией, политологией, антропологией, этнографией, искусствознанием, литературоведением, религиоведением, языкознанием, семиотикой и т.п., причем в каждом конкретном случае предметные отличия всех перечисленных и иных гуманитарных дисциплин окажутся минимальными, практически неразличимыми. Картина междисциплинарных связей становится чрезвычайно текучей, неуловимо изменчивой, релятивной; границы между научными дисциплинами оказываются размытыми, зыбкими, легко переступаемыми исследователями и творцами культуры в любом направлении и в любом аспекте.

Дело в том, что все гуманитарные научные дисциплины занимаются анализом, интерпретацией, систематизацией, оценкой (и другими операциями подобного рода) различных *текстов культуры*, в том числе исторических источников, мемуаров, эпистолярных, философских и литературных сочинений, художественных произведений, публицистики, статистических данных, научных гипотез и теорий, политических доктрин и т.д. Опираясь разными методами и исследовательскими технологиями, все названные научные дисциплины и смежные с ними области знания различаются скорее своей методологией, целями и задачами, нежели предметом изучения. Другое дело, что разными науками из одних и тех же подчас текстов извлекаются разные смыслы – социальные и политические, познавательные и художественные, личностные и коллективные, современные и исторически удаленные, которые затем систематизируются, анализируются и оцениваются в том или ином аспекте, специфическом для данной дисциплинарной (или междисциплинарной) области знания.

В этом (методологическом) отношении культурология оказывается столь же «беспринципно» широкой, как и ее предметная область: она не только не исключает из своего поля зрения никакие возможные тексты (ибо все мыслимые тексты – это феномены культуры), но и не отвергает никаких возможных подходов к ним (поскольку и социально-политические, и художественно-эстетические, и научно-познавательные смыслы не лежат вне интересов культурологии как универсального знания о культуре в целом). Знание, которым оперирует культурология и к выработке которого она стремится, является столь же всеобщим, как знание, например, философское или религиозное, однако аспект обобщений, значимый для культурологии, оказывается еще более неопределенным, нежели философский или религиозный, так как все знания, находящиеся вне философии (например, обыденное знание, повседневность, «здравый смысл» и т.п.) или вне религии (еретические учения, атеизм, позитивные науки, внерелигиозное мышление и пр.), могут быть включены без каких-либо ограничений в предметное поле культурологии и реально включаются в него. По существу, нет таких предметов или областей знаний, которые, будучи сами феноменами культуры, не входили бы в сферу культурологии. Культурологическая рефлексия включает в себя любые другие

рефлексии культуры, в том числе принципиально несовместимые между собой. В этом смысле феномен культурологии как новейшего синкрезиса последней трети XX – начала XXI в. есть, несомненно, порождение эпохи постмодерна (отсюда ее «всеядность» и внутренняя противоречивость, полиморфизм и мозаичность, разнотенность многообразия и релятивизм).

Есть только одно принципиальное отличие культурологии от других гуманитарных дисциплин, «работающих» с текстами: культурология «занята» не только *текстами культуры* (и даже не столько текстами), но и *контекстами*. Более того, можно, пожалуй, заявить, что культурология – это наука, изучающая именно *контексты культуры* и те смыслы, которые обретают различные тексты, будучи включенными в тот или иной ценностно-смысловой контекст. Восстанавливая или реконструируя контекстуальность тех или иных текстов, культурология выступает в функции универсального посредника в организуемом ею диалоге культур, межкультурных коммуникаций.

Великий русский мыслитель М.М. Бахтин пронизательно писал в своем знаменитом «Ответе на вопрос редакции “Нового мира”» (1970, № 11) (опубликовано под названием «Смелее пользоваться возможностями»): «Прежде всего литературоведение должно установить более тесную связь с историей культуры. Литература – неотрывная часть культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста всей культуры данной эпохи. Ее недопустимо отрывать от остальной культуры и, как это часто делается, непосредственно, так сказать, через голову культуры соотносить с социально-экономическими факторами. Эти факторы воздействуют на культуру в ее целом и только через нее и вместе с нею на литературу» (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. – С. 329). Сказанное Бахтиным о литературе и литературоведении с позиций культурологии верно и в отношении истории, социологии, политологии, религиоведения, семиотики, психологии и других областей научного знания и научных дисциплин. Заменив слово «литературоведение» или «литература» в данном суждении Бахтина любым из перечисленных, мы получим столь же справедливое положение культурологического плана.

В одной из последних своих работ (*К методологии гуманитарных наук*) Бахтин еще более заостряет важность своей установ-

ки на контекстуальность гуманитарного познания как такового. «Понимание как соотнесение с другими текстами и переосмысление в новом контексте (в моем, в современном, в будущем). Предвосхищаемый контекст будущего: ощущение, что я делаю новый шаг (сдвинулся с места). Этапы диалогического движения *понимания*: исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые контексты, движение вперед – предвосхищение (и начало) будущего контекста». И далее: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу... За этим контактом контакт личностей, а не вещей (в пределе)», – т.е. многоголосие диалогически соотнесенных между собой субъектов культуры (там же, с. 364). Впрочем, и вещный контекст, с позиций культурологии, предстает, по Бахтину, своего рода текстом, открытым для диалога с другими текстами («*вещи, чреватые словом*», «потенциальное слово») (там же, с. 365).

Культурология рассматривает литературу и религию, философию и быт, искусство и массовую психологию, политику и подсознание индивида, историю и социум, включая саму культуру, *в контексте культуры*, т.е. не просто как конгломерат текстов разного типа и уровня, а как встречу и взаимодействие текстов, как их общение между собой, как их незавершенный (и незавершимый в принципе) диалог. Сам по себе этот контекст может быть также весьма многообразным: он может быть мононациональным или космополитическим, современным, историческим или внеисторическим (метаисторическим), социальным или собственно культурным, идеологическим и внеидеологичным, общественным и личностным. Все это многообразие контекстов и ракурсов, контекстных «срезов» культуры и дискурсов придает прочтению текстов, включаемых – объективно или произвольно – в те или иные содержательные контексты, исключительную гетерогенность и многозначность. По существу, культурологический подход придает любому гуманитарному знанию – социологическому, лингвистическому, искусствоведческому, философскому, историческому и любому иному – новое измерение, новую глубину и динамизм. Представленный в том или ином контексте, текст тем самым берется в его

изменении, движении, развитии; в каждый момент своего существования он не равен себе и выходит за собственные пределы.

В заключение стоит сказать и о том, что на протяжении второй половины XIX – XX в. взгляды выдающихся ученых-гуманитариев различного профиля по мере их углубления в недра специальных дисциплин, по мере расширения их научного кругозора постепенно обретали широту и универсальность культурологического масштаба. Нет смысла перечислять громкие имена литературоведов и лингвистов, искусствоведов и историков, философов и социологов, этнографов и психологов, представляющих западноевропейскую, американскую или российскую традиции, – достаточно отметить, что проделанная практически каждым из них научная и мировоззренческая эволюция свидетельствует о происходящем в их лице сближении гуманитарных дисциплин в единую междисциплинарную область, предметом которой является культура как целое.

Это подтверждает мысль о том, что становление особой пограничной науки, синтезирующей достижения и подходы многих смежных гуманитарных дисциплин универсальностью и всеобщностью своего предмета – *культуры как целого* (культурологии), является объективно-исторической тенденцией развития самого гуманитарного знания в Новейшее время, выявляющей его целостность, многозначность и многомерность. Усложнение конфигурации гуманитарного знания способствует преодолению методологического схематизма, дисциплинарной замкнутости и рефлексивной однозначности, что достигается выходом исследователей в область принципиальной методологической надрефлексивности, «снимающей» все возможные ограничения идеологического или методического порядка, неизбежные в рамках узкой дисциплинарности. Образование культурологии как гуманитарной дисциплины нового типа говорит о путях преодоления назревшего кризиса гуманитарной методологии, а вместе с тем и самого принципа методологического монизма, к концу XX в. окончательно исчерпавшего себя как парадигма гуманитарного знания.

Однако понимание этих тенденций субъектами современной культуры, включая ученых, само по себе неоднозначно, многомерно, противоречиво. И нет ничего удивительного, что в русле постмодернистского разногласия в современной отечественной

культуре культурология сегодня одними понимается как «сверх-наука» («наука наук»), другими – как конкретно-научное знание (о культуре и культурах), третьими – как псевдонаучная спекуляция (или даже «лженаука» вроде астрологии, алхимии или «снятия порчи»), четвертыми – как псевдоним того или иного традиционного научного знания (философского, искусствovedческого, литературоведческого, семиотического, исторического и т.п.), пятыми – как претенциозная эклектическая мешанина всевозможных знаний («вселенская смазь»), шестыми – как междисциплинарная область, заполняемая произвольно... И им не сойтись никогда!